

дедушка Логантій.

Женщина
в теленоте

повесть

дедушка Логантий

Женщина в темноте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68949843

SelfPub; 2024

Аннотация

Реальные и нереальные истории, диалоги и приключения компании друзей, которые то расстаются, то заводят романы, но неизменно встречаются вновь. Короткая повесть из коротких глав для легкого, атмосферного чтения. Для знойного летнего дня

Содержание

Новые страницы	5
Круглое перышко	6
Чувства огня	8
Замороженное прощание	10
Очень важно	11
Возврат	12
Нетелефонный разговор	14
Я знаю, что будет так, значит так точно не будет	16
Кризис в отношениях	18
Блюдца с пегасами	19
Дождь	20
Сверчок	21
Спящий огонь	22
Который день лил дождь	23
Дело случая	26
Тихое начало	27
Мар-га-ри-та	28
Фейерверк	30
Береговая охрана	33
Продолжение знакомства	35
Шаг назад	36
Костер у моря	37
Разрядка последнего	40

"Дома" это где?	42
Сам себе враг	43
"Обессмысливатели"	45
И в конце концов	47
У моря	48
Запереть бумажный кораблик	50
Кулинарное приключение	52
Энергия бесконечна	54
Скоро новый год	55
Новые возможности	56
Завтра	58
Сын бога Ра	60
Маленькая мечта	62
Полет	64
Монс прилетает домой	67
Июль	68
Монс и Костя	69
Монс	70
Женщина в темноте	72

дедушка Логантий

Женщина в темноте

Новые страницы

– Помнишь, – задумчиво глядя на часы с боем, произнесла Монс, – ты все время доставал меня, задавая нелепые вопросы: "Почему ты одна? Почему у тебя нет друзей? Почему у тебя, вообще, никого нет?"

Данил смутился. По прошествии уже многих лет ему не хотелось ворошить то, что покрылось пылью и, что называется, быльем поросло.

– Что это ты вспомнила? – спросил он.

– Ты помнишь? – настаивала Монс, не меняя ни тона, ни положения.

– Так ты ведь никогда не отвечала, замолкала. У меня давно пропала охота лезть тебе под кожу. Себе дороже. Да и все изменилось, кстати.

– Кстати, – задумчиво произнесла Монс, потом вдруг взглянула прямо на Данила, – у меня есть только время.

Данил молчал. Часы с боем штамповали уходящие минуты.

Хотя уже само по себе то, что они были...

Круглое перышко

Золотой шар солнца неторопливо поднимался над заснеженной землей. Необъятные лучи света играли на нитках жемчуга, которые Маргарита всегда носила на шее.

– Я была очень жадной до секса, – произнесла Монс в разговоре за утренним чаем.

– Да? – Маргарита отпила из своей чашки и улыбнулась восходящему солнцу за окнами.

– Тогда меня разрывало. Два совершенно противоположных устремления души. Необъяснимое желание отгородиться от мира и желание любить и быть любимой. В конечном итоге я обнаружила себя в один из таких вот дней в окружении троих мужчин. И все они едва ли догадывались о существовании друг друга.

– Ты так плохо к ним относилась? – изумилась Рита.

– Нет. Я всех их безумно любила. Я была влюблена.

– Тогда они пользовались тобой? – предположила Рита.

– Нет, они заботились обо мне, а я отдавала им себя.

– Везет тебе. А я никого не люблю и страдаю от этого.

– А как же Данил? – поинтересовалась Монс и сделала глоток чая.

– Пока никого нет, буду с Данилом, – пожала плечами Рита, – я ведь знаю, что он тоже по мне не скучает. Наши отношения – это так...

Монс сочувственно кивнула.

– А сейчас? – взглянула на Монс Рита, перебирая жемчужины красивыми пальчиками.

– Что? – переспросила Монс.

– Ты поддерживаешь с ними отношения?

– Наверное, это называется да. Теперь я с Сашей. Раньше мне нужны были трое, чтобы заменить его одного. Я люблю его очень давно.

– Не понимаю, – как будто удивилась Маргарита, – что же тогда настоящая любовь?

– Не "что", а "кто", – улыбнулась как будто Монс, – Саша.

– Конечно, – возмутилась противоречию Марго, – сама же только что говорила...

– И тех троих я тоже люблю. Всегда. Но это другое.

– Да, не соскучишься с тобой, – засмеялась Марго.

Золотой шар солнца неспешно прогуливался по комнате своими объятьями-лучами. Две молодые женщины с удовольствием болтали за чаем. Маргарита улыбалась и играла жемчужинами на своей шее. Монс смеялась, в ее руках было круглое перышко, которым она писала долгий-долгий роман. И жизнь была наполнена до краев.

Чувства огня

– Что чувствует огонь?

– Страсть, возможно, – сделал предположение Данил.

– А ты можешь ее описать, страсть? – спросила Монс.

– Ха, сильная, сводящая с ума, выбивающая из колеи, обжигаящая, невыносимая, пожирающая. Ты со мной согласна? – сказал Данил.

Монс молчала, засмотревшись на горящую свечу.

– Ну, ты чего молчишь? Сама затеяла разговор, – возмутился Данил.

– Не согласна, – заявила Монс.

– С чем именно? – удивился Данил.

– Со страстью, – пояснила Монс, – Чувства огня это только чувства огня. Именно потому, что ни синонимов, ни аналогов этому понятию нет. Поэтому и появилось такое выражение.

– Совсем? – покрутил у виска Данил.

– Что огонь? – задала вопрос в никуда Монс, – огонь греет.

– И?

– Это страсть подобна огню, но это не значит, что огонь чувствует страсть.

– Забавное наблюдение.

Монс провела рукой по мягким волосам Данила, погружая в них пальцы свои, и поцеловала его в губы. Вечер стано-

вился все гуще. Свеча догорела и погасла. И ничего не имело значения.

Замороженное прощание

Вишню вынули из морозилки и насыпали полную чашку. Было очень жарко натоплено. И Данил и Монс накинулись на ледяные ягоды с необыкновенным удовольствием.

– Ты уже собрал вещи? – задала вопрос Монс, видимо, в продолжение прерванного разговора.

– Да, все упаковано, – был ответ, – сам не знаю, как решился. Променять столь приятный полупраздничный образ жизни...

– Ты всегда этого хотел, – понимающе произнесла Монс.

– Да. Не отрицаю. Хотел. Это-то и странно, и...

– И полезно, – перебила Монс.

– Постараться прожить жизнь не зря лучше, чем ничего.

Трудно только пересилить себя и прервать суетный бег.

– Это стоит того, – сказала Монс и нарочито торжественно коснулась своей тающей вишенкой вишни в руках Данила, – чинь-чинь!

Очень важно

Беспокойный ветер шумел в трубе, бился о ставни и задувал в дымоход, играя пламенем. Была глубокая зимняя ночь святок. Полная луна, окаймленная гигантским, в полнеба, кругом белого света, казалось, замерзла в небе.

– Кошки на душе заскребли от этого ветра, – сморщился Виктор за чтением новостей.

– Тоскливо немного, – пожалла плечами Маргарита, щелкая пультом от телевизора.

– Бедняга ветер, – произнесла Монс, подняв взгляд от рукоделия.

– Поздно уже. вы не находите? – сказал Саша, возникший внезапно в дверном проеме.

– Детское время кончилось! – крикнул Виктор.

– Иди спать уже! Не мешай! – поддержала его Маргарита.

Друзья накинулись на Сашу, а Монс рассмеялась.

– Так. Ясно все с вами, – с притворной обидой произнес Саша, – конечно, кому-то завтра на работу, а кому-то отдыхать! Счастливики!

И Саша ушел. А компания продолжала свое полубесмысленное времяпрепровождение.

Возврат

Витя вернулся домой. Это был уже, конечно, не Витя – простой и добрый парень, бывший двоечник и разгильдяй. Это был уже солидный, рассудительный и уверенный в себе мужчина. Виктор. словом.

Рита налила по чашке чая, поставила на стол все, что было в доме вкусного. Виктор отказался от горячего обеда и по-свойски сделал себе бутерброд.

– Нас там так плохо кормили, – сказал Виктор, уплетая бутерброд с чаем.

– Почему? – не поняла Рита.

– Работы много, а времени мало. Так соскучился по простому и настоящему.

– Как у тебя дела там? – поинтересовалась Марго после того, как Витя допил чашку чая.

– Топают, как сказала бы Монс, – улыбнулся Витя, – видишь, похудел. Диету соблюдаю, занимаюсь спортом. Живу по расписанию круглый год.

– Нравится?

– Да, только по вам скучаю.

– Деловой человек, соответствующая жизнь. Каждый платит свою цену.

– Я и не жалуюсь, – сказал Виктор, – Вы-то тут как?

– Как видишь, – вздохнула Рита.

– Вижу, хорошо. – заметил Виктор.

– Раньше я не понимала эту тягу Монс к размеренной деревенской жизни. а теперь сама выращиваю цветочки, занимаюсь домом.

– Бросила свои занятия танцами? – спросил Виктор.

– Нет, – ответила Марго, – на все времени хватает.

Виктор поймал себя на мысли, что вновь, как и раньше, невольно залюбовался Марго.

Нетелефонный разговор

– Да приходи же скорее, Марго! Это нетелефонный разговор! – на другом конце телефонной линии яростно бросили трубку.

Марго была озадачена. С чего бы такая паника?

– Что произошло? – устало спросила Марго, входя в комнату Монс и устраиваясь в удобном кресле. Но Монс сияла.

– Ты глянь! – Монс протянула Маргарите пригоршню камней и бусин, из которых обыкновенно плела бусы.

– Чего я там не видела? – возмутилась Маргарита, готовая задать взбучку Монс за беспричинную тревогу, – я миллион раз брала их в руки, разглядывала и перебирала.

– Да ты посмотри, – и Монс сунула камни в руку Риты. Рита невольно бросила взгляд на свою ладонь и тут ее брови поползли наверх.

– Это что, бриллиант? – не поняла она.

– Да.

– Среди твоих камней, Монс, – удивилась Марго и рассмеялась, – долго же тебе пришлось его искать!

– И не говори, – расхохоталась Монс, – долгая и кропотливая работа!

С тех пор минул год. В доме Монс раздался телефонный звонок.

– Монс! Приходи скорей ко мне! У меня сногшибатель-

ные новости! Это нетелефонный разговор! – прокричала в трубку Маргарита и швырнула, как показалось Монс, телефон об пол.

Озадаченная Монс направилась к Марго, заранее подготавливая себя к тому, что задаст взбучку Маргарите. Когда Монс появилась на пороге, Марго буквально сорвалась с места и, заламывая в нетерпении руки, усадила Монс за стол. Она налила чай в чашки и поставила на стол домашнее печенье. Наконец, затараторила:

– Ты не представляешь! Нет, все по порядку! Помнишь наш разговор, ты рассказывала мне о своих знакомых, а я жаловалась тебе на отсутствие любви в своей жизни?

Монс не то кивнула, не то моргнула в знак согласия.

– Так знаешь, я влюбилась! – счастливо воскликнула Марго, – и не просто увлеклась, а прямо потеряла голову, а заодно и сон! Представляешь?

Монс часто заморгала, не в силах вымолвить ни слова. А Рита продолжала:

– Монс! Этот человек целый! Понимаешь, он завершенный! С ним нет пустоты.

Монс кивала. А Марго делилась радостью, выплескивая бешеную энергию всех возможных чувств. И по мере того, как Марго говорила, в Монс рождалась и росла благодарность жизни.

Я знаю, что будет так, значит так точно не будет

Монс шевельнулась, и солнечный зайчик, дрожащий на ее щеке, вспыхнув, исчез. Монс открыла глаза, рядом ровно дышал во сне Саша. Монс встала, поправила одеяло, надела халат и вышла из спальни. Она на ходу собрала волосы в пучок на затылке. Монс подумала о Роме.

Когда раз-другой в месяц Монс встречалась с Ромой, они шли гулять по накатывающим теплыми волнами сумеркам. В сгущающейся темноте Рома брал Монс за руку, а потом, во время веселого спора, Монс обгоняла Рому, хватала его за вторую руку и пятилась так, пока тот не сгребал ее в свои объятия. Это было безумно и оттого еще слаще и притягательнее.

Но под теплым одеялом спал Саша. И Монс, как всегда, варила кофе для него и заваривала крепкий чай для себя. Монс прислонилась к подоконнику, уставленному цветами.

Когда в полночь Саша пришел к Монс пьяный, она была недовольна, но, накинув плащ, отвела его домой. Она разделала Сашку и уложила спать. А потом вышла из Сашкиного дома и неспешно пошла по темной улице. Ночь была приятно свежа. Желание спать выветрилось. И Монс позвонила Роме.

– Ты где?

– Дома.

– Встретишь меня?

– Да.

– Хорошо, – Монс отключила телефон и застегнула плащ.

Кризис в отношениях

Монс тихо прошмыгнула в кровать.

– Ты где была? – поинтересовался Саша, не открывая глаз.

– А что? – Монс потянулась к Сашкиному лицу, чтобы поцеловать.

– Такая счастливая, – отстранился от нее Саша. Монс слышала каждую нотку в его голосе, чувствовала себя виноватой и сама была глубоко несчастна в этот момент. Она знала, к чему приводят подобные игры и вот...

– Саша...

– Спи. Ты, наверное, устала, – сказал Саша, едва скрывая яд.

Монс встала и вышла. Закутавшись в теплый плед, она долго не могла заснуть. А утром ее разбудил Саша.

– Все кончено, я думаю, – ласково сказал он, проведя рукой по волосам, щеке и губам Монс. Монс знала, что остается совсем одна и заплакала спросонья. Все было кончено уже давно. И переживать вместе это они так и не решились.

Блюдца с пегасами

Вечные блюдца с пегасами на завтрак, обед и ужин, а также на полдник и чай. И, кроме того, если случилось, на поздний ужин. Исключение составляли только праздники. На праздники доставали дорогой фарфор – давний подарок забытого всеми друга.

Невозможно всю жизнь провести в ожидании. Вечные "без пяти двенадцать"? Бросьте, так не бывает. Можно, конечно, немного замечтаться, потом открыть глаза, а на часах-то уже за полночь.

Так вот однажды за полночь очнулись и захотели есть. И затанцевали по кругу крылатые кони. И расставив посуду на столе, все ждали – даже беседа утихла.

Пегасы, выведенные на белом фоне золотом, блестели и казались сквозь дрему живыми. Вот-вот соскользнут с тарелок и улетят. и электрические лампочки им ни к чему.

Словом, когда хозяйка вошла в комнату, гости-то уже спали. Вповалку видели десятый сон. Хозяйка погасила свет, взяла махровое полотенце и отправилась купаться на озеро.

Монс погружалась в темные воды, где кипела другая жизнь. Она медленно плыла и была счастлива компании, которую ей составляли огромная луна, золотившая волны и белый конь, рассекавший воздух над озером мощными крыльями.

Дождь

– Идет дождь, – задумчиво произнесла Монс, отодвинув шторы и выглянув в весенние сумерки.

Стало как-то грустно. Выпитый чай не согревал. Дождь шел изрядный, монотонный, затяжной. Возле окон остановилась машина, из нее вышли два молодых человека и, перепрыгивая лужи, добрались до крылечка. Отряхнув с обуви воду и грязь, потоптавшись на месте, они вошли в дом. Это оказались Виктор и Саша.

– Ладно, я пошел, – сказал Витя и вышел, даже не поздоровавшись.

– Витя! Гад! – громко выругался Саша. Но Вити и след простыл.

– Да садись, проходи уже, – сказала Монс, смеясь, – а то ты Витю не знаешь.

– На улице, – Саша запнулся.

– Дождь идет. – сказала Монс.

Сверчок

Сверчок беспокоился с утра и не давал никому покоя. Лил дождь и высовывать из дома нос не то, что не хотелось, но и не представлялось возможным.

– Если переехать сейчас, – спокойно проговорил Виктор, – дольше проживете.

– А если никогда, – начала было Марго.

– Конечно, и того, что есть, достаточно, – сказал Виктор, – но терпеть дальше совсем ни к чему.

– Какой беспокойный сверчок, – пробормотала Монс и, выглянув в окно, поежилась, – дождь все идет.

– Все почти готово, – сказал Виктор, – дом, как ты хотела, как всегда мечтала.

– У меня болит голова, – пожаловалась Монс, села в кресло-качалку и, откинувшись на спинку, закрыла глаза.

– Ты же всегда выступала за перемены, – вскипела было Рита.

– Я и сейчас "за". Тем более дом на берегу моря, как я всегда и мечтала. Это просто сверчок.

СПЯЩИЙ ОГОНЬ

Монс очень хотела спать. И огонь внутри нее сладко дремал, свернувшись теплым, нежным калачиком.

– Какая тачка! – сказала Монс, глядя на желтую копейку у обочины, – прокати.

– Ты серьезно? – не поверил своим ушам мужчина, а про себя подумал: "Обкурилась девка", тем не менее прокатил.

Теперь, конечно, он катается на бэхе, и Монс встречает его редко. Но тогда это был огонь. Право слово! Их отношения, я имею в виду. Потому что простое знакомство не замедлило развиваться в бурный роман, учитывая обоюдное желание.

Все-таки любовь – химическая реакция. Она идет не всегда в нужном направлении. Однако, она происходит. И это прекрасно.

Который день лил дождь

Земля стояла в воде, а двор выполоскало до камней. Обнажившиеся камни блестели. Откуда бы взяться грязи?

– Откуда бы взяться грязи? – произнесла задумчиво Монс, отодвинув привычным движением занавеску на окне и выглянув на улицу.

– Ты о чем? – спросил откуда-то из-за планшета Саша. Он сидел в кресле возле горячей лампы. Вечер выдался очень тихий. Тишину нарушал только дождь, на разные лады постукивающий по оконным стеклам, по железной крыше, по деревянному крыльцу.

Монс поняла, что произнесла мысли вслух, улыбнулась от этого и встрепенулась:

– Да я про двор. Раньше так спасу не было. Как дождь, так грязи по колено. Развезет – не пролезешь. Не смотря на камни. А сейчас ходить-то собственно некому.

– Да-да, – пролепетал Саша и снова погрузился в свое ослабленное состояние.

Вдруг на крыльце застучали чьи-то каблучки. И в комнату с зонтом в обнимку влетела Марго.

– Фу, к вам не доберешься, – живо пропела она.

Саша вздохнул.

– Так и было задумано, – пробормотал он.

– Слушай, ты, зануда, – улыбнулась Марго и щелкнула

своими длинными пальцами прямо по рабочему планшету. Саша снова вздохнул.

Монс поставила на плиту чайник и вернулась в комнату.

– До вторника продержится, по прогнозу, по крайней мере, – сказала Марго, кивая на шумный ливень.

– Можно верить? – скептически произнесла Монс.

– Сегодня обещали небольшой дождь, – не то в подтверждение, не то в опровержение собственным словам пожала плечами Марго.

Чайник засвистел. И не успели Монс и Марго сесть за стол пить чай, как в комнату ввалился Виктор.

– О, вовремя ты, – засмеялась Марго.

– Я всегда вовремя, – заметил Витя, стряхивая с себя намокший пиджак.

Саша тоже возник за столом.

– Жениться тебе надо, – заметил он вдруг.

– Вот еще, – воскликнула Марго, – рано!

– А тебе замуж пора, – улыбнулся Саша.

– Опа! Всё! Решено! – захохотал Виктор, – да?

– Ага, – передразнила его Рита.

– Да уговоритесь вы уже, – примирительно сказала Монс и поставила чай перед Сашей и Виктором.

– А что, идея, – не унимался Витя, – зачем карьера, зачем деньги? Любовь главное в жизни.

– Кстати, многие сейчас выступают за ранние браки, – Монс сама неожиданно поддержала шуточный разговор, –

на первом месте семья, а остальное приложится, гласит их главный постулат.

– Конечно, – вставил свое слово Саша, – давайте жениться, совокупляться и плодиться. Не в тех условиях и не в то время мы живем.

– Дети это роскошь, – вздохнула Монс.

– Если так рассуждать, то можно совсем без семьи и без детей остаться. Время-то идет, – сказал Виктор.

– Кто бы говорил, – хихикнула Марго, – хотя я с тобой согласна, и мы сейчас как раз в том возрасте, когда любовь на первом месте.

– "Любви все возрасты покорны", слышала такую фразу, – заявил Саша.

– И все же всему свое время, – не отчаивалась Маргарита, – пока молодые, надо развлекаться, гулять и любить.

– Да, а семьей и потом можно обзавестись, – добавил Виктор, – как раз на ноги встали, опыта понабрались.

– А как же ранние браки? Вы же только что за них топили, – рассмеялся Саша.

– Кто?! Мы?! – возмутились хором все трое его оппонентов.

– Каждому свое, на самом деле, – сказала примирительно Монс.

– Ой, – произнесла тихо Маргарита, – кажется, дождь прекратился.

Дело случая

– Монс, погадай мне, – попросила неожиданно Марго.

Это случилось после полудня. Стояла изнуряющая жара, и делать было совершенно нечего.

– Гадать вредно, – начала было Монс, но Марго фыркнула с таким видом, что Монс просто подошла к столу, достала из ящика колоду карт и вернулась на диван.

– О! – воскликнула Монс, – рядом с тобой бубновый король.

– И что бы это значило? – спросила нетерпеливо Рита, слегка побледнев.

– Это у тебя надо спросить, – с любопытством взглянула на нее Монс, – говоришь, что с Данилом вас ничего не связывает, только дружба. Вижу, что это не Данил, Данил вот, – и Монс ткнула пальцем в крестового короля, – он есть в твоей жизни, но не так, как бубновый. Это безусловная любовь.

Монс было засмеялась, но Рита нахмурилась и затихла.

– Смешная, – вздохнула Монс, сгребая карты в кучу, – сама попросила погадать и вот. Любить это же счастье. А когда это взаимно, то что еще надо. В жизни.

Монс убрала карты обратно в стол и произнесла:

– Да и вообще, стоит ли принимать это все гадание так близко к сердцу. Гадание – это же так – дело случая.

Тихое начало

– Я хочу тебя, – шепнул Саша.

– Саша, расслабься, – возмутилась Марго.

– Мар-га-ри-та, – по слогам томно произнес Саша и привлек девушку к себе.

Марго нерешительно повиновалась и, едва дыша, подняла взгляд на лицо Саши.

– Саша... – покраснела она.

– Тише, – прошептал он, накрывая ее губы поцелуем.

И Рита ответила на его поцелуй. Но в следующий момент вырвалась из его крепких объятий, схватила свою сумочку с кресла и выбежала опрометью из дома.

Мар-га-ри-та

Мар-га-ри-та – это жемчужины, из которых когда-то было сплетено ее ожерелье. Это длинные огненно-рыжие волосы, почти всегда дико распущенные по спине и плечам. Это красивые руки с неярким маникюром на длинных ногтях. Это платица, желания, мечты. Это Мар-га-ри-та.

Этот вездесущий солнечный зайчик наполняла пространство блеском и светом, оживляя дом и людей в этом доме. Энергия, бьющая через край, гром и молнии, морской прибой – все это была Рита.

И все были влюблены в нее.

Поэтому, когда Саша сказал: "Тише", Марго вспыхнула. "Кому он говорит тише"?!

"Кому я вздумал говорить "Тише""?! – корил себя Саша потом.

– Я не люблю играть по правилам и не признаю приказы, – сказала Марго, возвращаясь и плавным движением бросая сумочку на прежнее место. Она вновь возникла перед Сашей, и он очень нежно обнял ее и привлек к себе.

Только вообрази, что такое огонь в твоих руках. Когда ты держишь его, прирученного, смиренного и все же остающегося собой.

– Удели мне пару минут, – позвала Монс.

Рита вышла на кухню, где они вдвоем принялись готовить

ужин. Они весело и непринужденно болтали и смеялись, когда на пороге кухни появились молодые люди.

– Что это такого забавного вы тут обсуждаете? – спросил Виктор.

– Интригует? – задиристо переспросила Марго.

–Еще бы! – воскликнул Витя.

Саша навалился на дверной косяк и в пальцах крутил сигарету.

– Ты давно не курил, – заметила Монс, – я думала, ты бросил.

– Да, – задумчиво обронил Саша и вышел на крыльцо.

Марго покачала головой, а Монс подмигнула ей и улыбнулась. Она думала, как...

Фейерверк

– Вечеринка! – весело напевала Марго, вбегая в дом к Монс, – я купила красное платье! Монс! А ты что наденешь?

– Не знаю, – ответила Монс, искренне не понимая такого интереса к вещам.

– Надень белое! Тебе очень пойдет! – посоветовала Марго, будто и не замечая безразличного тона Монс.

– Хорошо, надену белое, – пожала плечами Монс.

– Ты чего? – обняла ее Марго и, не дождавшись ответа, умчалась, словно растворившись в знойном воздухе.

Сумерки скоро окутали город. И на берегу взорвалась тишина. Взорвалась огнями и музыкой. И Марго в своем красном платье, и Монс в своем белом одеянии незаметно для себя затерялись в шумной многолюдной толпе.

Шоу, конечно, удалось. Все пили, танцевали, веселились и стояли на ушах. Уже под утро, перед рассветом, небо осветил грандиозный фейерверк.

Когда немного рассвело, Марго танцевала с Данилом. Она увидела, как Монс идет по берегу озера домой. Рита что-то сказала Данилу на ухо и побежала за Монс. Когда она оказалась у калитки дома Монс, то обнаружила ее сидящей в своем белом платье прямо на пыльном крыльце.

– Ты чего? – поинтересовалась Марго.

– Я решила, – выдохнула Монс, – решила ехать с Викто-

ром. У меня все равно ничего не выходит. Все бессмысленно.

– Так, понятно, – уселась рядом Марго, – конечно, хорошо, что ты согласилась ехать, только на счет бессмысленности это ты зря. Старая песня, Монс! Взгляни, какой чудесный праздник был сегодня на берегу! Как все повеселились! Как здорово любить! Монс, очнись!

– Конечно, – сказала Монс, – когда вы с Сашей уже поженились?

– Не поняла, – опешила Маргарита.

– Ты же знаешь, я люблю тебя, – вздохнула Монс, обнимая Риту и прижимаясь щекой к ее плечу.

– И давно ты узнала?

– С самого начала.

– Прости...

– Смешная... Рита, если бы надо было за что-то просить прощения... Нет, не надо.

– Ты знаешь, я догадывалась, – кивнула Марго и обе рассмеялись.

– Вы отличная пара, я всегда это говорила, – подмигнула ей Монс.

– Вот зануда! Всегда-то ты все знаешь! Самой-то не надоело? – задиристо толкнула Марго в бок Монс локтем.

– Да, есть немного, – вздохнула Монс, – Скукотища.

– Слушай, завязывай ты со скукой! – с этими словами Маргирита вскочила на ноги, сделала эффектный пируэт и улыбнулась своей обворожительной улыбкой:

– Обожаю танцы! – произнесла она и отправилась к себе спать.

Береговая охрана

Мужчина, возникший так внезапно рядом, был крепкого телосложения. Он был совсем не красив, но обладал обаятельной улыбкой.

– Девушка, я к Вам обращаюсь, – нетерпеливо произнес он, – Вы меня слышите? Здесь загорать нельзя.

– Возможно, – вздохнула Монс, выглядывая из-под солнцезащитных очков.

– Ах, возможно, – строго сказал мужчина и сел рядом на белый песок, протянул руку, – Константин.

Мужчина улыбался. Монс улыбнулась в ответ. Она продолжала жмуриться от яркого солнца и бликов на морских волнах. Костя смутился, не получив ответного рукопожатия, и опустил руку на горячий песок.

– Что ж, – вздохнул Костя, поднимаясь на ноги, – было приятно пообщаться.

– Я живу неподалеку, – кивнула в сторону своего дома Монс, – заходите как-нибудь на чай. По вечерам я дома всегда.

– На побережье что ли? – как будто удивился Костя.

– Да, – сказала Монс, – вон тот домик с голубой крышей, видите?

– Не вижу, но найду, – сказал Костя и повернулся было идти.

– Костя... – услышал он почти шепотом произнесенное имя.

– Что? – обернулся он.

Но Монс покачала головой.

– Я обязательно зайду, – сказал Костя. И ушел.

Вечером того же дня Монс говорила по телефону с Марго и Данилом. Она рассказала им о новом знакомом. Судя по голосу, Монс была счастлива.

Продолжение знакомства

– Привет, – в его руках был букет цветов.

– Привет, – улыбнулась Монс, принимая букет из рук мужчины, и они прошли в гостиную.

Костя устроился в удобном кресле, пока Монс направилась на кухню поставить цветы в воду и согреть чайник.

– Костя, ты ужинал? – поинтересовалась Монс, заглядывая в гостиную.

– Да, спасибо. Но от чашки чая не откажусь, – ответил Костя с улыбкой.

Монс отметила про себя сразу, что Костя приятный человек. "С ним легко", – заявила Монс вчера по телефону. Когда трубки были положены, Марго не переставала удивляться, как скоро Монс раскусывает людей.

– Ну, легко ей и замечательно, – засмеялся Данил на это.

А на следующий день после этого разговора Костя уже пил чай в гостиной Монс. Потом он предложил прогуляться. И Монс согласилась. И вечер был долог, а ночь – тепла.

– Не хочешь искупаться? – спросил Костя, стягивая с себя рубашку и снимая брюки.

– Нет уж, увольте, – засмеялась было Монс.

– Нет?! – воскликнул Костя, схватил Монс и внес ее в спящую ночную глубину.

И море не было против. И все было просто.

Шаг назад

"Мы каждый день можем делать маленький шаг вперед," – прочитала Монс и перевернула страницу. Она смотрела на стол – на то его место, куда падал солнечный свет. Монс протянула руку и дотронулась до освещенного дерева. Тепло.

Чтобы двигаться дальше, иногда надо отступить назад. Смотря в каком смысле это воспринимать и к какой ситуации применять.

Один ее знакомый буддист ничего нового не сказал: "В нашей религии понятия греха, вообще, как такового, нет. Изначально мы сами создаем себе будущее. И совершая сегодня что-то плохое, не стоит ждать чего-то хорошего от будущего".

Когда убита кошка, ничего хорошего ждать не приходится. Человек легко опускается до убийства, отступает назад в своем развитии и незаметно исходит в небытие.

Бессмысленно делать что-то для таких людей. Нужно двигаться дальше. Просто нужно и всё. Как жить, как дышать.

Костер у моря

По вечерам люди у моря веселились. Часто выступали на побережье уличные артисты в колоритных костюмах. Эти артисты играли на простых инструментах, изготовленных из подручного, а то и подножного, материала. Монс была в полном восторге от звука, который издавала большая раковина, добытая когда-то из морских глубин.

Она и Костя сидели у большого костра. Люди вокруг танцевали. Было здорово. Такая вот ночь на морском берегу. И глубоко за полночь – вовсе не поздно для тех, кто умеет и любит радоваться жизни.

Монс была пьяна от вина, от огня и моря. Она лежала на коленях Кости и закрыла глаза от удовольствия.

– Вот ты где! – произнес знакомый голос.

Монс неохотно открыла глаза.

– Да мы пьяны, – пробормотал Виктор, помогая Монс встать.

– Кто это? – спросил Костя.

– Это мой друг, – сказала Монс, до этого момента не осознавая, на сколько она пьяна на самом деле.

– Виктор, – представился Витя.

Они добрались до дома Монс. Монс сразу отключилась, лишь ее голова коснулась подушки.

– Я начал сомневаться, правильно ли мы сделали, от-

правив ее жить сюда, – говорил Витя по телефону Марго утром, – раньше мне казалось, что Монс в каком-то смысле заботится о нас всех, а теперь она сущий ребенок. Совсем пошла в разнос. Теперь она нуждается в нашей заботе.

Монс проснулась поздно.

– Голова раскалывается, – пожаловалась она, в недоумении глядя на Виктора.

– Ты что, спиваешься? – спросил Виктор прямо, без лишнего стеснения.

– А вы спивались, потягивая вино чуть не каждый вечер у меня дома? – поинтересовалась Монс.

– Ну, ты знаешь, это другое.

– Правда? Другое ли? – полюбопытствовала Монс, – ты видел костер?

– Видел.

– И как?

– Не успел оценить.

– Так надо было присоединяться к веселью!.. Ты ел?

– Спасибо, завтракал. В доме шаром покати.

– Я на диете.

– Ты? С ума сошла? Или денег нет?

– Деньги не им... Ты же знаешь.

– Да уж, знаю. А это тот самый Костя?

– Где?

– Очень смешно.

– Да, это Костя. Клевый парень. А в постели...

– Избавь от подробностей.

– Так ты видел костер? Я заслужила этот костер, знаешь.

– Конечно, – сказал Виктор и они помирились.

Разрядка последнего

Приближался август. Кот сладко спал на крыльце. И Рита сидела тут же, задумчивая после последнего разговора с Витей. Она не воспринимала ситуацию столь драматично, как ее рисовал Виктор. Тем более они с Сашей тоже должны были вот-вот уехать.

Данил давно не появлялся в городе, а у Вити дома были во всех концах света. Риту даже посещала иногда мысль, а нет ли у Виктора в каждом доме по семье. Она даже спросила его однажды. Так, в шутку, конечно. Но Витя промолчал.

Нет, зря, конечно, Витя переживает из-за Монс. Точно Саша сказал, жениться ему надо.

Но приближался август. День сменял ночь, ночь окутывала день, и все повторялось снова – все словно без перемен. Все разъехались, и теперь у Марго здесь был только Саша. Они были счастливы, но им не хватало друзей.

Вечером пришел домой Саша, помылся, поужинал и сообщил совсем уж вдруг:

– Можешь начинать упаковывать вещи, через неделю едем к Монс.

Марго не в силах была сдержать своего счастья. Она кинулась Саше на шею.

– Отпусти, – взмолился он, – задушишь же!

– Саша, я...

– И я тебя люблю, родная. Ты сама знаешь, как.

"Дома" это где?

Маргарита буквально визжала от восторга.

– Как всегда, – нарочито недовольно вздохнула Монс, – будто ничего и не менялось, словно и не было этой разлуки.

– Хватит визжать, скажи хоть что-нибудь.

Но Марго только повисла на Монс, и Саше пришлось вклиниться между ними, чтобы отвести всех в дом.

На порог вышел Костя.

– Знакомьтесь, – сказала Монс.

– Костя, – протянул руку Костя.

– Саша, – пожал ему руку Саша.

– Марго, – сказала Маргарита, – очень приятно!

Когда все вошли в дом, Маргарита отвлеклась на внутреннее убранство.

– Все в твоём репертуаре, все, как всегда! – пропела Марго.

– Да, – отвечала Монс, – теперь, когда почти все в сборе, "дома" – это здесь.

Сам себе враг

– Ему доставляет отчаянное удовольствие вредить самому себе, – констатировала Марго, – он может играть до последнего, ставя на карту все. Испытывает на прочность друзей и любимую женщину, сознавая, что может их потерять.

– Это зависимость, таким людям нужна помощь, – отвечал Виктор.

– Они не особенно способствуют тому, чтобы им помогали, – сказал Саша.

– Как и любая другая зависимость... Нужно, чтобы человек сам захотел от нее избавиться, – отвечал Виктор.

– Многое зависит от людей, которые находятся рядом, – предположила Монс.

– Конечно. Оно тебе надо – возиться с чужими тараканами? – поинтересовалась Марго.

– Что сделаешь, жизнь не пешая прогулка. Скорее бег с препятствиями, – философствовала Монс, – испытание на выносливость. Не выводишь – изволь сойти с дистанции.

– По-твоему выходит, – возмущенно разглагольствовала Марго, – надо сознательно отягощать себе жизнь чужими проблемами.

– Зачем нарочно, – примирительно сказала Монс, – только стойко принимать испытания, если хотите. Жизнь это жизнь. Такая, как есть. И принимать ее надо полностью – та-

кой, как есть.

– Мы удалились от темы, – заметил Саша и поставил пустой бокал на журнальный столик.

– Нисколько, – возразил Костя, – все логично. Жизнь это жизнь. Надо принимать ее такой, как она есть и уметь радоваться жизни, получая удовольствие из тех карт, которые выданы на руки.

– Судя по всему, Костя поддерживает азартных игроков, – заметила Марго.

– Нет, – сказал Костя, – человек, о котором мы говорим, ставя на карту любимых и друзей, рано или поздно проиграет их без возможности отыгаться.

"Обессмысливатели"

– Костя, у тебя так много друзей, – находясь под явным впечатлением от утренней пробежки, говорил Саша, – кажется, все пляжное сообщество знает тебя.

– Пробежался с Костей вдоль побережья? – поинтересовалась Монс.

– Да, мы как раз... – начал было Саша.

– Именно поэтому мы дополняем друг друга, – сказал Костя, обнимая Монс и притягивая к себе для поцелуя.

– Извини, Саша, что мы тебя перебиваем, – прервала очередную попытку Саши вставить свои пять копеек Марго, – но у Монс тоже было полно знакомых. Она их еще называла "обессмысливатели жизни".

– Как-как? – не удержался от смеха Костя.

– А что вы хотите?! – фыркнула Монс.

– Расскажи, – подзадоривала Марго, – а то Костя подумает, что здесь что-то не так. И мы "последние герои".

– Рита! – возмутилась Монс.

– Я хочу есть! – мгновенно среагировал Саша.

– Вперед! – скомандовала Монс, указывая на кухню и давая понять, что ухаживать ни за кем не намерена.

И друзья отправились на кухню завтракать.

Только вечером Костя спросил тихим голосом:

– "Обессмысливатели жизни"?

– Да, – вспыхнула Монс, – а еще "насаждатели своих ценностей" и просто эгоисты.

– Да ладно, – улыбнулся Костя примирительно, – у всех в жизни наступает момент, когда что-то отсеивается. Все меняется. И люди не обязательно будут находиться вместе всю жизнь. Ничего особенного. Просто формулировка такая интересная.

– У многих моих знакомых и родных представления о жизни и о том, что ценно, немного отличаются от моих. Им бы шмотки покрасивее, работа поденжнее, стол посытнее, друзья побогаче. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – привлек Костя к себе Монс, – пойдем завтра купаться в море?

– Да.

И в конце концов

И в конце концов пошел дождь. Монс было приятно это вынужденное безделье. Можно почитать, помечтать, посмотреть фильм.

Марго и Саша спали у себя. Они сладко дремали в объятиях друг друга, время от времени открывали глаза, и Рита шептала что-то Саше, а Саша шептал ей что-то в ответ. И они еще теснее, еще крепче прижимались друг к другу. У Виктора была новая подруга, которую он пригласил сегодня в дом Монс. Поэтому он прихорашивался в ожидании ее прихода. Костя работал.

Когда Саша и Рита проснулись и вышли к ужину, Виктор встретил свою девушку, а Костя вернулся с работы домой и принимал душ наверху, двери дома Монс распахнулись, и на пороге возник весь мокрый от дождя Данил.

– Сто лет! – улыбнулась Монс, торопливо вытирая руки о фартук, и поспешила обнять старого друга.

– Мой любимый! – воскликнула Марго.

– Привет-привет! – не скрывали радости Саша и Виктор.

– Ужин готов? – спросил Данил.

– Конечно, – ответила Монс, – ты как раз вовремя.

– Да, вижу вечер удался, – вышел к своим новым друзьям Костя. И вечер, действительно, удался на славу.

У моря

Большой черный кот сидел подле своей хозяйки. Они вместе коротали время перед ужином на берегу, у самого подножия волн. Вода легко касалась кончиков пальцев ног. А черный кот, чрезвычайно довольный съеденным куском рыбы, мурлыкал и вот-вот готов был задремать. Монс посмотрела на кота, кот взглянул на свою хозяйку. Она погладила черные уши и спину и снова обратила свой взгляд к бескрайнему морю.

Песок был теплый. И был закат. И солнце уже гасило свой южный пыл в морской воде далеко на горизонте.

– Конец августа, – произнесла Монс.

Кот приоткрыл глаза, сквозь узкие щелочки посмотрел на Монс и снова закрыл глаза. Пляж был почти пуст, где-то вдали смеялась компания молодых людей да пара пожилых супругов неспешно прогуливались по кромке моря.

А солнце тем временем, никого не дожидаясь и ни на кого не оглядываясь, совсем скрылось из виду.

Неслышно подкравшийся Костя накиннул на плечи Монс легкую кофточку. Монс оглянулась и улыбка заиграла на ее лице. Костя сел рядом на корточки, набрал в ладонь песка и пропускал его теперь сквозь пальцы.

– И давно вы тут? – поинтересовался он.

– Сравнительно недавно, – отвечала Монс и добавила, –

скажи что-нибудь необыкновенное.

– Необыкновенное? – удивился Костя, – могу только банальное "скучал".

Монс ничего не сказала, подалась в сторону Кости и поцеловала его. Сначала в щеку, потом в шею, потом их губы встретились в долгом поцелуе.

Солнце зашло, а море долго еще светилось изнутри каким-то волшебным светом. Но большой черный кот давно уже спал на кушетке у раскрытого окна в доме Монс.

Запереть бумажный кораблик

– Бумажный кораблик начнет объедаться, – высказалась Марго.

– Согласна, – поддержала Монс.

– Что, стресс заедать что ли? – рассмеялся Виктор.

– Да не иначе, – серьезно взглянула на него Марго.

– Ну, девчонки, вы даете, – произнес озадаченный Данила.

Всё началось с того, что Костя рассказал компании друзей эту историю. Они сидели на открытой всем ветрам веранде, заходящее солнце и беспечное море играючи танцевали в их открытых глазах. И эта история пришлась как-то к слову.

– Не всем так повезло, как нам, – сказал вдруг Костя, нарушая задумчивое молчание, – для кого-то море так и осталось мечтой. Я знал одну девушку, которая так сильно мечтала о таких вечерах на побережье, как этот, так была уверена в достижимости этой цели, что самозабвенно отдавалась работе. Только она забыла, что жизнь-то не прекращалась, а шла своим чередом. И время уходило. И во всякий день наступало какое-нибудь событие, которое неумолимо отдаляло ее от намеченной цели. Возникала еще ниточка и еще. которые привязывали ее к тому месту, где она жила и коротала дни и ночи. Конечно, жизнь, она такая, и с ней либо соглашаешься либо нет, и против течения плыть, несомненно, труднее. Ну, а эта девушка делала бумажных корабликов и клеила их на

стену в своей комнате. И ее мечта о море оставалась этими бумажными корабликами на стене, который плыли, плыли. И днем, и ночью. А моя знакомая засыпала и просыпалась. Ее окружал привычный мир. Она всем говорила, что сердится на него, но на самом деле знала, что сердится только на себя. И вот в одно утро она встала с постели, подошла к стене, сорвала с нее бумажные кораблики и заперла их в ящик стола. На ключ.

Кулинарное приключение

Уплетая кусок пирога, Монс бродила по кухне и лениво готовила. Ей было скучно и она с удовольствием поделилась бы скукой и домашними хлопотами с кем угодно. Этим "кем угодно" стал Виктор, приехавший, на беду, как раз вовремя.

– Я тебе этого не прощу, – смеясь принялся Виктор за резку овощей.

– Ничего, как-нибудь переживу, – зевнула Монс и пододвинула к Виктору кусок домашнего пирога.

– Так никому не достанется, – сказал Виктор со смехом и отправил в рот сразу полкуска.

– А это для нас с тобой. Теперь для нас, а было только для меня.

– Любимой, – добавил Виктор, – ты хотела сказать "для меня любимой".

Пирог таял на глазах.

– А за фигуру не боишься? – поинтересовался Виктор, но едва не получил деревянной лопаткой по лбу и примолк.

Когда большая компания собралась за ужином, Монс ограничилась чашкой чая. Да и Виктор как-то скромненько поел.

– Ну, "Повар с пальцев сыт", – прокомментировал Саша, – а ты, Вить, помогал?

– Еще как, – сказал Виктор и жестом отказался от пред-

ложенного ему куса пирога.

Энергия бесконечна

– Энергия бесконечна, – сказал Виктор, – она никуда не исчезает, а только преобразуется.

– Согласна с тобой, – отвечала Монс.

– Ой, как интересно, – зевнула Марго.

– Электрон является носителем энергии, – не обратил внимания на нее Виктор, – я исхожу из этого.

– Откуда только что берется? Мы ведь, по сути, возвращаемся к знаниям предков. Ведь соображали же древние люди, что человек не может просто умереть. Что энергия, которая в нем бурлила, не может исчезнуть без следа, вот откуда, наверное, вера в душу и в иной мир, – ушла в астрал Монс в своих рассуждениях.

– Забавное наблюдение, – дал оценку ее суждению Виктор.

– Вам бы в ученые податься, – засмеялась Марго.

– Электрон – величайшая загадка вселенной, – сказал Виктор, – при всей своей кажущейся простоте.

Скоро новый год

– Скоро новый год, – произнесла Монс ни с того ни с сего.

– Все равно никогда ничего не меняется, – сказал Вик, – а ты все равно надеешься.

– Да, – потянулась и зевнула Марго, – неисправимые вы мои.

– Чертовщина какая-то, – вдруг сказала Монс.

Марго захихикала. Ей стало смешно и нисколько не удивительно.

– Ведь и правда, каждый год надеешься на какое-нибудь чудо, – негодовала Монс, – а происходит какая-нибудь чертовщина, иначе и не скажешь.

Марго перестала хихикать, а Виктор нахмурил брови.

– Ты о чем это, Монс? – спросил он, – у нас все хорошо. Из года в год.

– Да знаю я. Это раньше так было. Почему-то всегда.

– Оставь прошлое прошлому, – посоветовала Марго.

– И правда. Давно это было, – добавил Вик.

– А недоверие и ожидание остались, – начала было Монс, но осеклась.

– Скоро новый год, – сказала Марго, – я уже покупаю подарки!

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

– Снег такой мирный, – произнесла Монс, выглядывая в окно.

– Идет снег. Обычный, – заметил Данил из-за планшета.

Марго улыбнулась куда-то в потолок. Она лежала на диване и голова ее была на коленях у Данила.

– Скоро новый год. Елку будем ставить? – поинтересовалась она.

– Возможно, – нахмурилась Монс.

– А ты подарок мне приготовила? – не унималась Марго.

– Нет, – отвечала Монс, продолжая смотреть на снег, который медленно падал в темноте.

– Скоро новый год, – задумчиво произнес Данил, – а я уезжаю.

– Надолго? – спросила Монс.

– Навсегда.

В камине горел огонь, а снег все шел.

– Не может такого быть. Как, навсегда, – встрепелась Марго.

– Навещать-то будешь? – улыбнулась Монс.

– Там видно будет, – сказал Данил.

– Куда на этот раз? – поинтересовалась Монс.

– Да, если навсегда, то далеко, видимо? – подхватила Марго.

– Предложили работу в Эмиратах, – сказал Данил, который уже пожалел, что проговорился про отъезд.

– Можно с тобой? – шутя спросила Рита.

– Конечно, можно. Только, боюсь, Саша не переживет этого.

– А, – отмахнулась Рита, – Саша...

– Что это значит? – удивилась Монс.

– Ни-че-го, – отчеканила Марго и тут же обратилась к Данилу, – ты сам-то рад?

– Конечно, рад, – ответил Данил.

– Действительно, сколько можно жить в разъездах, – констатировала Монс, – снег закончился.

– А там, по-моему, не бывает снега, или я не права? – предположила Рита.

Данил засмеялся, а потом сказал:

– Завтра придет мой знакомый, который устроил мне этот переезд.

– Познакомимся, – обрадовалась Марго.

– Познакомитесь, – загадочно улыбнулся Данил.

Завтра

А завтра пришел Вадим, серьезный, сдержанный молодой человек, в потертых джинсах. Он отказался от ужина, но выпил кофе. Кофе он любил некрепкий с сахаром и с большим количеством сливок. Так как дома были только Марго, Монс и Данил, атмосфера получилась почти непринужденная.

– А сам Вы где живете, Вадим? – поинтересовалась Марго.

– Сам я много времени провожу в разъездах, – ответил Вадим, – так и получилось, что связи по всему свету.

– Вот и Данила нашего похищаете, – пошутила Марго.

– Данил самопохищается, – отшутился Вадим, – дело случая.

– Вы часом не философ? – спросила Монс.

– Не больше, чем все, – пожал плечами Вадим.

– Не слушайте его, – вставил слово Данил, – он только с философами, писателями, журналистами и общается.

– А наша Монс как раз писатель! – воскликнула Марго, – правда, пишет в ящик.

– Правда? – оживился Вадим.

– Чепуха, – отмахнулась Монс, испепеляя взглядом Марго.

– Нет! Не чепуха, – казалось, не замечала ее Марго.

– Марго! – не выдержала и повисила голос Монс.

– Нет-нет, – перебил ее Вадим, – я бы с удовольствием

почитал.

– Ты не дашь, я достану, – пригрозила Марго.

– Мне кажется, нет смысла, – ответила Монс.

– Смысл есть всегда, – возразил Вадим, – то, что Вам лично кажется незначительным, кого-то может заинтересовать. Вы ведете себя нечестно. Ведь не вы же пишете, поэтому и не Вам решать.

– Откуда Вы только знаете? – как-то оттаяла Монс.

– Да соглашайся уже, тебе ведь не пять лет, деточка, – сказал Данил.

– Хорошо, отправлю Вам на почту, адрес оставите.

– Оставлю, прямо сейчас, – согласился Вадим и взял в руки ручку.

Сын бога Ра

Монс встала почти сразу после восхода солнца. Но Кости рядом уже не оказалось.

"Странно", – подумала Монс, оделась и спустилась вниз. В доме было свежо, сквозняк касался подола ее платья. Монс выглянула на улицу и улыбнулась. Костя сидел на солнце, пил кофе и читал новости.

– Кофе горячий, – произнес Костя, – что ты улыбаешься?

– Не скажу, – ответила Монс и села рядом.

– Помнишь, как мы с тобой признавались друг другу в любви?

– Конечно, – улыбнулся Костя, – ты еще говорила...

– "Очень нравишься", – перебила Монс, цитируя его самого.

– Да, признаю свою ошибку. Но если бы я так не сказал, ты бы не выдала, как это... "Я тебя люблю, схожу по тебе с ума, хочу тебя"... А еще "от меня уже прикуривать можно". Наповал.

– Наповал?! – недоверчиво взглянула на Костю Монс.

– Еще бы! Совсем не каждый день приходится такое слышать.

– Да, – протянула Монс сладко-сладко, но договорить не успела.

– Да, – протянул Костя, обхватил ее, притянул к себе и не

дал закончить начатую фразу.

Маленькая мечта

Маргарита впорхнула в дом Монс. Она бросила сумку в одно кресло, сама упала в другое и только тут спохватилась:

– А где Монс?

Костя посмотрел на Марго. Марго заподозрила неладное, ведь обычно послеобеденное время Монс проводила с Костей. Потом Костя уходил до вечера на работу.

– Костя...

– Она купила фотоаппарат, – кивнул в неопределенном направлении Костя и продолжил читать.

– Что, статья интересная? – потрепала Костю по голове и вышла в сад. Нигде не обнаружив Монс, Рита вернулась:

– Купила фотоаппарат, говоришь... – Марго стояла посреди гостиной, уперев руки в бока. Она потопала ножкой, махнула рукой и села в кресло. Задумалась.

– Она давно мечтала о фотоаппарате, – произнесла Марго, – даже смешно.

– Почему смешно? – спросил Костя, чтобы поддержать беседу.

– Такая маленькая мечта, – пожала плечами Марго, – и так долго пришлось ждать ее воплощения в жизнь.

Скоро вернулась Монс.

– Поздравляю! – сказала Марго.

– Спасибо! – искренне поблагодарила Монс. Она сняла с

головы широкополюю шляпу и легким движением запустила ее через всю комнату. Камеру Монс положила на столик, а сама пошла на кухню – взять чего-нибудь холодненького.

– Можно? – спросила Марго, а сама уже потянулась за фотоаппаратом.

– Можно, – разрешила Монс, хотя знала, что Марго разрешение спросила так, для галочки. И сама она ответила тоже так, для отчета. И от этого она улыбнулась сама себе.

А Марго тем временем листала отснятые кадры. Сначала мелькали незнакомые лица, потом Костя, дом, а потом только море, песок и птицы, какие-то веселые люди и снова море, пляж и тень Монс.

– Да, Монс, – Марго вернула технику на свое место, – так невольно задумаешься, и зачем некоторым фотокамеры, если они не умеют ими пользоваться.

– Ты это к чему? – протянула стакан лимонада Рите Монс.

– Да так, ни к чему. Здорово у тебя получается.

– Почти как у тебя, – улыбнулась Монс. Она взяла камеру, – Улыбочку!

Сработал затвор.

Полет

– Ты уверен? – спросила Монс, когда уже катила чемодан в здании аэропорта.

– Вопрос в том, уверена ли ты, – ответил Вадим, усмехнувшись нелепости вопроса. Он не оглянулся и не остановился, а решительно шагал вперед. Решительность уверенных в себе людей передается окружающим. И Монс последовала за ним.

– Ты же понимаешь, что вопрос был неуместен, – сказал Вадим, когда они уже были в самолете.

Монс улыбнулась в ответ и села на свое место. И они полетели на другой край земли.

Вечером, сидя в уютном кресле отеля, Монс задумчиво произнесла:

– Если бы я могла согреться, то, наконец, уснула бы.

Вадим посмотрел на нее, отвел взгляд, затем снова быстро взглянул, словно хотел что-то сказать, но молча встал и вышел из номера.

Монс поднялась из кресла, закурила и подошла к окну. "Сотый этаж", – побарабанила пальцами по стеклу, опустошая голову от мыслей. Она затушила сигарету, поежилась и закуталась в свою тонкую вязаную кофточку. Погасила свет. Теперь комната освещалась лишь светом городских огней. Не раздеваясь и не запирая дверь номера, Монс легла на кро-

вать. Она закрыла глаза, чтобы дать им отдых.

Дверь едва слышно открылась, закрылась, щелкнул замок. Вадим лег рядом, мгновение помедлил, а потом обнял Монс за плечи. Монс обхватила его руку и уже проваливалась в сон.

– Ты понимаешь, если сегодня ночью ничего не произойдет, то точно случится что-то потом, – сквозь сон пробормотала она.

– А если произойдет? – Вадим еще крепче прижал ее к себе.

– А если произойдет, то превратится в перевернутую страницу, – вздохнула Монс.

– В воспоминание и только?

– Да, – Монс замолкла и добавила, – просто в приятное воспоминание.

– Приятное? – переспросил Вадим.

Монс молчала.

– Тогда, возможно, лучше пусть сегодня ничего не случится?

Монс улыбнулась. Вадим почувствовал, что она улыбнулась. А еще еле заметную дрожь.

– В чем дело? Ты ведь согрелась?

Монс повернулась к Вадиму, посмотрела на него. Света, бьющего с улиц и соседних высоток, было достаточно, чтобы хорошо видеть глаза мужчины. Она едва не касается губами его лица, его губ. Вот-вот и Монс решится.

Но вдруг Монс улыбнулась, отстранилась. встала с постели и вышла из комнаты. Она кутается в свою кофточку, ее знобит, ее ждет еще одна бессонная ночь. Монс идет по коридору отеля к лифту.

Костя слышал мысли Монс. Он сидел на берегу, смотрел на море. Рядом с ним сидел щенок, и Костя гладил его по мягкой спинке. Подошел кот Монс и пристроился возле них. Кот взглянул на Костю и принялся умываться. За несколько дней кот и щенок подружились. Монс еще не знает, что ее ждет дома.

– Думаешь, она скоро приедет? – спросил Костя кота. Кот вновь посмотрел на Костю и ничего не ответил. Он продолжил замывать гостей.

Монс прилетает домой

Как приятно ложиться в согретую постель. Весь день висевшие на улице перины до поздней ночи хранили в себе тепло солнечного дня. Укладываясь спать, Монс чувствовала горячее дыхание ветра, что стремительно пронесился над землей, и раскаленную землю, и слепящий свет. Как чертовски приятно было ложиться в постель, которая самым чудесным образом сохранила это волшебное, баюкающее тепло.

Монс счастливо взглянула на Костю и только сладостно промурлыкала что-то. Она прилетела вечером. Контракт на издание книги с восхитительными иллюстрациями был подписан и поездка подошла к концу. Сойдя с трапа самолета и очутившись в здании аэропорта, Монс упала в объятия Кости.

Потом Монс увидела щенка, который радостно махал хвостом.

– Да, знакомьтесь.

– Немец, – сказала Монс, – мне тоже нравятся немцы.

– Немцы вообще или овчарки в частности? – улыбнулся

Костя.

Костя прижал Монс к себе.

– Я люблю тебя.

– Крепко-крепко, – Монс прижалась всем своим телом к

Косте. И вечером, ложась в нагретую солнцем постель...

Июль

– Жить семейной жизнью это же скучно, – высказался Виктор, вертя в руках сигарету, – коротать вечера дома, тотальная слежка, контроль. Тоска!

– Да просто всему свое время, – подумав сказал Костя, – у каждого должны быть свои интересы, помимо общих, чтобы не скучать и не раздражаться по мелочам.

Монс улыбнулась, словно что-то вспомнила, и сказала:

– Костя, я тебе очень благодарна.

Чайные чашки с перламутровым узором блестели в свете электрических лампочек. Ночь была и оставалась глубока. За окнами темнота. И жизнь не казалась ни скучной, ни тоскливой. Жизнь была, оставалась и обещала быть.

Монс и Костя

Кучевые облака, летящие низко-низко над горизонтом. Прохладные пальцы, скользящие по разгоряченным щекам, губам. В турке варилось кофе. Сонное тепло постели контрастировало с холодным утром за окнами. Стекла запотели и северный ветер лизал их снаружи.

Монс молчала и смотрела на Костю, поджав губы.

– Что такое? – поинтересовался Костя, обнимая Монс и нежно покрывая ее лицо поцелуями.

– Хочу тебе сказать, – начала Монс, сделала паузу и продолжила, – я жду от тебя ребенка.

Костя застыл. Он растерянно улыбнулся.

– У нас будет ребенок, – счастливо произнес он, – я люблю тебя, знаешь.

Монс кивнула.

Монс

– Ну, что, старичок, – говорит Монс, присаживаясь за стол в восточной стороне дома.

Ее черный кот с красивым горделивым профилем смотрит в окно на убегающие волны, на чаек. Он занят. Он вносит в душу Монс уверенность и спокойствие.

Монс поставила чашку чая, положила рядом шоколад, взяла рукоделие. Солнце только встало, кот задремал, и утро выдалось такое тихое.

Часам к одиннадцати Монс встрепенулась. Скоро обед, и все слетятся к столу. Всю сознательную жизнь друзья для Монс были как дети. А теперь у нее будет свой собственный ребенок, и это обстоятельство делало Монс еще более счастливой.

– Что мы с тобой сегодня приготовим? – спросила Монс своего черного кота, – рыбку?

Кот оживился. Рыбка подействовала безотказно, и он последовал на кухню за хозяйкой. Как Монс могла оставить своего кота без лакомого хвостика.

Приготовив рыбу и гарнир, заварив свежий чай, Монс вышла на веранду. Щенок наелся и дремал. Кот замывал гостей.

Скоро собралась вся компания. Они шумно уселись за стол, смели все приготовленное до последней крошки и

вновь разъехались. До самого вечера.

Монс помыла посуду, переделалась и отправилась в город за продуктами. Обычный день самой обычной жизни. Жизни, которой Монс была довольна, которую создала, так или иначе, сама.

Женщина в темноте

В августе сумерки приходят раньше, нежели в июне. Это понятно. Оттого и зажигают фонари часов эдак в десять. И свет их бьет в окна соседних домов.

По этой причине, нет ли, но в комнате, куда падал свет фонаря – того, что стоит на углу – не зажигали электрических лампочек. Собственно, откуда вам ведомо, был там кто или не был. Может быть, комната просто пуста.

Но в том-то и дело, что в комнате, почти в крошечной темноте сидела женщина. Она удобно устроилась в мягком кресле и на коленях ее лежала раскрытая книга. И если бы было достаточно светло, то могло показаться, что женщина мирно читает.

Но за окнами царили густые сумерки, хоть ложкой мешай. А в комнате подавно была темнота. И свет от фонаря бил в окна, пронизывая зеленые листья комнатных растений, и растекался по ковру, по щиколоткам и запястьям. И свет этот еще больше оттенял наступившую ночь.

И женщина сидела, не зажигая ламп, с книгой на коленях. И силуэт ее, обманчивый, вырисовывался из темноты. И все золото мира меркло на фоне этих щиколоток и запястий. И все золото, которым задаривали ее поклонники, она отвергала. Потому что это была настоящая женщина и она имела право ждать и имела право делать выбор.

Только фонарь, который своим бесчувственным светом обнимал темноту, да темнота, которая обнимала фонарь, могли понимать женщину. И могли ее обнимать.

До поры до времени. Все до времени.

Но может случиться и так, что время не придет. И то неизбежное, что ждет, может остаться где-то позади. Или в стороне. Или вечным ожиданием.

Свет от фонаря пронизывал зеленые листья комнатных растений. Они его не ждали, но принимали как данность, как должное. Просто принимали.

И женщина любовалась на зеленый цвет листвы, такой необычный сегодня. При ярком и все же слабом свечении фонарной лампочки все было иным, как и положено быть ночью.

Взгляд женщины, сидящей в темноте, скользил по цветам и окнам, по освещенным предметам и по не столь крошечной тьме, в которой тонули стены.

Внезапно в комнате зажегся свет. Женщина зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела мужчину, стоящего перед ней. Он посмел нарушить темноту. Потому что это был настоящий мужчина и он смел быть прямым и честным. Поэтому женщина ждала и не зажигала света.